

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.077-087

Е. К. Антонович*

Правосубъектность переводчика в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации¹

Аннотация. Значение цифровизации во всех отраслях возрастает, тем более что возможности информационных технологий очевидны. Не является исключением и уголовное судопроизводство, в котором информационные технологии используют чаще всего при производстве следственного действия либо в связи с переходом всего уголовного судопроизводства в электронный формат. Но цифровизацией в уголовном судопроизводстве может стать обуславливаемое поиском оптимального способа повышения эффективности уголовного судопроизводства и создания надежных гарантий по защите прав и свобод лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, использование на единой цифровой платформе информационных технологий в парадигме принимаемых решений и доказывания. И поэтому цифровизация может играть определенную роль при принятии решений об участии того или иного лица в уголовном судопроизводстве.

Понятие «искусственный интеллект» возникло в середине прошлого века, но интерес к нему и его возможностям проявился именно в настоящее время. Стали популярны современные электронные словари и встроенные переводчики. Думается, в этом случае важно принимать во внимание и саму природу цифровых технологий.

Выяснению вопроса о том, смогут ли многовекторные и многозначные информационные технологии заменить собой каких-нибудь участников уголовного судопроизводства либо стать одним из условий создания основания для вхождения в сферу уголовного судопроизводства такого участника, как переводчик, и будет посвящено исследование. Будут проанализированы не только законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации, но и положительный опыт некоторых иностранных государств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; цифровые технологии; цифровизация; решение по уголовному делу; информационные технологии; участники уголовного судопроизводства; переводчик.

Для цитирования: Антонович Е. К. Правосубъектность переводчика в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 9. — С. 77–87. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.077-087.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16041.

© Антонович Е. К., 2021

* Антонович Елена Константиновна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), полковник внутренней службы в отставке
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
e.ant@inbox.ru

Legal Personality of an Interpreter in Criminal Proceedings in the Age of Digitalization²

Elena K. Antonovich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
e.ant@inbox.ru

Abstract. The importance of digitalization in all industries is increasing, especially since the possibilities of information technologies are obvious. Criminal proceedings are no exception. In criminal proceedings, information technologies are generally used in the production of an investigative action or with the transition of the entire criminal proceedings to an electronic format. Digitalization in criminal proceedings can be caused by the search for the optimal way to increase the efficiency of criminal proceedings and create reliable guarantees for the protection of the rights and freedoms of persons involved in the criminal proceedings, the use of information technologies on a single digital platform in the paradigm of decisions and evidence. Therefore, digitalization can play a certain role in making decisions about the participation of a person in criminal proceedings.

The concept of "artificial intelligence (AI)" appeared in the middle of the last century, but it is only now that AI itself and its capabilities became of interest to society. Modern electronic dictionaries and built-in translators have become popular. It seems important to take into account the very nature of digital technologies.

The paper is devoted to clarifying the question of whether multi-vector and multi-valued information technologies can replace any participants in criminal proceedings or become one of the conditions for creating a basis for such a participant as a translator to enter the sphere of criminal proceedings. We will analyze not only the legislation and law enforcement practice of the Russian Federation, but also the positive experience of legislation and law enforcement practice of some foreign countries.

Keywords: criminal proceedings; digital technologies; digitalization; decision on a criminal case; information technologies; participants in criminal proceedings; translator.

Cite as: Antonovich EK. Pravosubektnost perevodchika v ugovnom sudoproizvodstve v usloviyakh tsifrovizatsii [Legal Personality of an Interpreter in Criminal Proceedings in the Age of Digitalization]. *Lex russica*. 2021;74(9):77-87. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.077-087. (In Russ., abstract in Eng.).

Возможности цифровизации очевидны. Однако в уголовном судопроизводстве ее рассматривают, как правило, в связи с использованием при производстве какого-либо следственного действия или в связи с возможностью либо целесообразностью перехода всего производства по уголовному делу в электронный формат. Но цифровизацией в уголовном судопроизводстве может стать обуславливаемое поиском оптимального способа повышения эффективности уголовного судопроизводства и создания надежных гарантий по защите прав и свобод лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, использование на единой цифровой платформе информационных технологий в парадигме принимаемых решений и доказывания³. Может ли цифровизация играть определенную роль в процессе принятия решений об участии того или иного лица в уголовном судопроизводстве? Например, при создании

оснований для введения в уголовное судопроизводство какого-либо участника, в частности переводчика? Либо современные технологии способны заменить этого участника полностью или на время при расследовании уголовного дела? Поиску ответов на поставленные вопросы и будет посвящено настоящее исследование.

Напомним, что понятие «искусственный интеллект» возникло в середине прошлого века, но именно сейчас интерес к нему и его возможностям проявляется в наибольшей степени. Однако, несмотря на популярность современных электронных словарей и встроенных переводчиков, искусственный интеллект вряд ли заменит человека с его знаниями и умениями. Нами поддерживается точка зрения, согласно которой произвольная и безграничная цифровизация уголовно-процессуальной деятельности без учета ее природы, объективно присущих ей особенностей представляется

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16041.

³ Антонович Е. К. К вопросу о законодательном регулировании дистанционного допроса и депонирования показаний свидетелей по уголовным делам в досудебном производстве // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : в 3 ч. М. : Проспект, 2019. Ч. 3. С. 105–120.

недопустимой. Нельзя недооценивать весьма великий риск судебных и следственных ошибок, несправедливого разрешения дел, нарушений прав человека, если принятие решений и/или совершение процессуальных действий будет осуществлять машина, запрограммированная и действующая по принципу предельного упрощения и формализации информации и однозначности вариантов решений⁴. Не могут быть оцифрованы настроение и чувства человека, а значит, они не будут приниматься во внимание машиной. Между тем именно эти обстоятельства учитываются при принятии решений по делу. Например, при выявлении состояния аффекта или определении психического состояния лица, установлении морального вреда. Поэтому востребованность такого участника уголовного судопроизводства, как переводчик, будет только возрастать. Речь идет, в частности, об актуальности вопроса о законодательной регламентации депонирования показаний и дистанционного допроса участников уголовного судопроизводства, в том числе находящихся за пределами государства, в котором осуществляется производство по делу⁵, а также дистанционного обыска и выполнения поручения о производстве следственного действия в рамках исполнения запроса об оказании правовой помощи⁶. Все это обуславливает необходимость детальной регламентации не только статуса этого участника уголовного судопроизводства, но и процедуры вовлечения его в орбиту уголовного судопроизводства как залога допустимости и достоверности доказательства. В уголовно-процессуальном законодательстве ряда иностранных государств этому обстоятельству уделяется особое внимание: в

перечне подлежащих признанию недопустимыми отдельно указаны доказательства, полученные с нарушением права участников процесса на использование услуг переводчика (п. 3 ст. 94 УПК Молдовы⁷; п. 3 ст. 95.1 УПК Узбекистана⁸ и др.).

Как известно, уголовное судопроизводство в соответствии с ч. 1 ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ведется на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик. Только на русском языке ведется производство по уголовным делам в Верховном Суде Российской Федерации, кассационных и апелляционных судах общей юрисдикции, а также в военных судах. УПК РФ не только определяет процессуальные документы, на основании которых лицо привлекается в качестве переводчика к производству по делу (ст. 59), но и предусматривает обязанности и права такого участника, как переводчик, а также перечень оснований и процедуру его возможного отстранения от участия в уголовном процессе (ст. 69), организационные аспекты его деятельности в ходе предварительного расследования (ст. 169) и судебного разбирательства (ст. 263). Но и этими вопросами регламентация многочисленных проблем участия переводчика в уголовно-процессуальном законодательстве не ограничивается. В частности, в иных статьях УПК РФ урегулированы вопросы об участии переводчика в уголовном судопроизводстве. Однако создание в уголовно-процессуальном законодательстве перечня прав и обязанностей какого-либо участника уголовного судопроизводства (в настоящем исследовании этим участником является переводчик) само по себе не

⁴ Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex russica*. 2019. № 5 (150). С. 94.

⁵ См.: Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 6. С. 125–136.

⁶ См.: Антонович Е. К. Требования, предъявляемые к содержанию и форме запроса о производстве процессуальных действий, и последствия их несоблюдения // *Международное публичное и частное право*. 2016. № 5. С. 24–27; Она же. Порядок вызова свидетелей и потерпевших, находящихся за пределами территории Российской Федерации, и последствия его нарушения // *Труды Академии управления МВД России*. 2015. № 3. С. 53–57; Она же. К вопросу о допустимости доказательств, полученных за пределами территории Российской Федерации в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам // *Труды Академии управления МВД России*. 2014. № 4 (32). С. 41–44; Жубрин Р. В. Сроки исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам // *Законность*. 2018. № 5 (1003). С. 12–14.

⁷ URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729#pos=6;-155 (дата обращения: 02.04.2021).

⁸ URL: <https://www.legislationline.org/ru/documents/id/21500> (дата обращения: 02.04.2021).

означает, что указанное лицо сможет воспользоваться этими правами или что на этого участника уголовного судопроизводства могут быть возложены какие-либо обязанности. Значимой в данном случае будет правосубъектность этого лица, под которой мы понимаем предусмотренную уголовно-процессуальным правом способность быть участником уголовного судопроизводства, другими словами, способность лица обладать правами, а также нести ответственность и исполнять возложенные на него обязанности, которые могут быть реализованы лишь в пределах (границах) правового статуса конкретного участника уголовного судопроизводства и при наличии соответствующих фактического и юридического оснований⁹.

Юридическим основанием служит некий юридический факт, порождающий процессуальные правоотношения. Лишь тогда, когда такие юридически значимые факты имеют место, причем основным из этих юридически значимых фактов является принимаемое процессуальное решение, между личностью и государством в лице компетентных органов и должностных лиц этого государства возникают правоотношения. Именно решения по процессуальным вопросам являются юридическими фактами, вызывающими возникновение, изменение или прекращение правоотношений, в которых субъекты процессуальной деятельности реализуют свои права и обязанности¹⁰. Что касается юридического основания, обуславливающего участие лица в уголовно-процессуальных правоотношениях в качестве переводчика, то закон достаточно однозначно указывает на то, что такими юридическими основаниями являются постановление следователя или судьи либо определение суда (ч. 2 ст. 59 УПК РФ).

Фактическое же основание для участия переводчика в уголовном судопроизводстве складывается из нескольких элементов, касающихся как лица, нуждающегося в переводчике, так и лица, привлекаемого для участия в качестве переводчика.

Первый из них представляет собой возникновение у одного из участников уголовного судопроизводства потребности перевести текст с

одного языка на другой. Знание иностранного языка не освобождает ни следователя, ни суд от привлечения к участию в производстве по делу переводчика для перевода письменного или устного текста, в котором употребляются иностранные слова или диалекты. Кроме того, в целях исключения ошибок в переводе и подтверждения правильности перевода текста в протоколе, например протоколе допроса или протоколе осмотра материальных носителей информации (дисков) и прослушивания фонограмм, полученных в результате прослушивания телефонных переговоров, и для участия в следственном действии или судебном заседании не владеющих языком судопроизводства лиц также привлекается переводчик.

Права лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, на то, чтобы быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о причинах его ареста, основании и характере предъявляемого уголовного обвинения, а также право пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке, содержатся в таких международных правовых актах, как Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950. Причем соблюдение этих прав не ограничено какой-либо определенной стадией производства по уголовному делу или процессуальным статусом лица. Что касается обвиняемого, то Европейский Суд по правам человека считает, что это право является реализацией его права на справедливый суд¹¹.

И если само право на оказание бесплатной помощи переводчика предусмотрено национальным законодательством многих современных государств, то критерии необходимости в такой помощи содержатся не во всех законодательствах.

Например, в ст. 18 УПК РФ указано, что право бесплатно пользоваться помощью переводчика предоставляется тем участникам уголовного судопроизводства, которые не владеют

⁹ Антонович Е. К. К вопросу о международной правосубъектности и уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 115.

¹⁰ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2010. С. 23.

¹¹ Решения ЕСПЧ по делу «Людике, Белкасем и Коч против ФРГ» от 28.11.1978, по делу «Лагерблом против Швеции» от 14.01.2003 // СПС «КонсультантПлюс».

или недостаточно владеют языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

При этом российский законодатель не раскрывает ту степень владения языком, которая является решающей для оказания помощи со стороны переводчика. Достаточно подробно разъясняет эти вопросы Конституционный Суд Российской Федерации: понятие «лицо, недостаточно владеющее языком, на котором ведется производство по уголовному делу», как и всякое оценочное понятие, наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этого законодательного термина в правоприменительной практике. Суд, разъясняя сторонам их права и обязанности и создавая необходимые условия для исполнения ими процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, должен удостовериться в том, что уровень владения участником уголовного судопроизводства языком, на котором оно ведется, со всей очевидностью является достаточным для реализации этим участником его прав и обязанностей¹². При этом в российской правоприменительной практике могут учитываться такие обстоятельства, как язык, который для участника уголовного судопроизводства является родным, место его рождения и жительства, длительность проживания на территории Российской Федерации, получение образования в образовательном учреждении, преподавание в котором ведется на соответствующем языке, место и характер работы, язык общения с родственниками, знакомыми, коллегами и другие обстоятельства¹³.

Иной подход, например, у итальянского законодателя. Оценка знаний итальянского языка осуществляется также судебным органом. Однако при этом законодательно закреплена презумпция знания итальянского языка теми участниками уголовного судопроизводства, которые являются гражданами Италии: знание

итальянского языка предполагается до тех пор, пока не будет доказано обратное для любого гражданина Италии (ч. 4 ст. 143 УПК Италии¹⁴).

Второй элемент фактического основания обусловлен наличием у лица определенных знаний и умений, необходимых для привлечения его к участию в качестве переводчика. УПК РФ предъявляет к кандидату в переводчики требования свободного владения языком и компетентности, а для участия переводчика в конкретных процессуальных действиях — еще и отсутствия оснований для отвода. Остановимся подробнее на этих требованиях.

В законодательстве отсутствуют какие-либо предписания о степени образованности привлекаемого в качестве переводчика лица. Но из положений ст. 59 УПК РФ следует, что переводчик должен свободно владеть языком (либо диалектом языка), что позволяло бы ему достоверно доносить информацию по делу. Смысл понятия «свободно владеть языком» в российском уголовно-процессуальном законодательстве не раскрывается. Связь различных отраслей права заслуживает особого внимания, и она становится все более тесной. Небезынтересно, каким образом аналогичные вопросы урегулированы в правовых нормах других отраслей права. В частности, наблюдается аналогичный подход и при формулировании требований к переводчику в арбитражном процессе (ч. 1 ст. 57 АПК РФ¹⁵). Отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве толкования понятия свободного владения языком обуславливает обращение к предписаниям приказа Минобрнауки России от 07.08.2014 № 940 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» (уровень бакалавриата)¹⁶. Так, например, лицо, которое привлекается в сферу уголовного судопроизводства в качестве пере-

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 665-О-О ; определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рамазанова Эльшада Достали на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 и пунктом 6 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» 24.07.2012 № 1064-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Вилкова Т. Ю. Принцип языка уголовного судопроизводства: содержание и гарантии // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 91 ; Она же. Принципы уголовного судопроизводства России: правовые основы, содержание, гарантии : монография. М., 2015 ; Она же. Принцип языка уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы : монография. М., 2018.

¹⁴ URL: <https://lexscripta.it/codici/disp-att-cpp> (дата обращения: 02.04.2021).

¹⁵ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

водчика, должно обладать системой лингвистических знаний, включающей в себя знание основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлений и закономерностей функционирования языка, его функциональных разновидностей, уметь осуществлять письменный перевод с соблюдением норм лексической эквивалентности, грамматических, синтаксических и стилистических норм, выполнять устный последовательный перевод и устный перевод с листа с учетом норм лексической эквивалентности, грамматических, синтаксических и стилистических норм перевода и темпоральных характеристик исходного текста.

В этой связи важно отметить, что официального признания статуса языка как государственного или языка межнационального общения для предоставления перевода законодательство не требует. Нельзя забывать и о множестве диалектов, и об отсутствии письменной формы некоторых языков. Это вызывает определенные сложности у правоприменителя и приводит к признанию доказательств недопустимыми. Так, Верховный Суд РФ в одном из своих решений отметил, что органами предварительного следствия и судом не было нарушено предусмотренное уголовно-процессуальным законом право обвиняемого пользоваться помощью переводчика. Обоснование было таким: в ходе предварительного расследования после заявленного обвиняемым ходатайства о предоставлении переводчика все следственные действия, в том числе предъявление ему обвинения и ознакомление с материалами уголовного дела, проводились с участием переводчика, компетентность которого сомнений не вызывает, вручение же письменного перевода на цыганский язык постановления о привлечении в качестве обвиняемого является невыполнимым ввиду отсутствия самостоятельной цыганской письменности. В ходе судебного заседания подсудимый также был обеспечен переводчиком. Каких-либо данных, которые свидетельствовали бы о некомпетентности назначенного судом переводчика и о том, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела, а также других обстоятельств, исключающих его участие в производстве по данному делу, в материалах дела не содержится.

В связи с этим суд обоснованно отказал стороне защиты в удовлетворении ходатайств об отводе данного переводчика, решения председательствующего в этой части достаточно мотивированы и являются правильными¹⁷.

Еще одна из наиболее часто возникающих дилемм — это допустимость или запрет участия в качестве переводчика сотрудника правоохранительного органа.

Одно лишь то, что перевод осуществлял сотрудник правоохранительного органа, конечно, не является основанием для признания его заинтересованным в исходе дела. Так, например, обосновывая свое решение, суд апелляционной инстанции обратил внимание на то, что осуществление перевода сотрудником правоохранительных органов, который был предупрежден об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод, возможно. Его участие в уголовном судопроизводстве в качестве переводчика признается допустимым, если у суда нет оснований сомневаться в компетентности лица, выполнявшего перевод, и если в ином статусе в данном уголовном деле он участия не принимал¹⁸.

В то же время недопустимо, чтобы суд в обосновании своих выводов ссылаясь на свидетельские показания тех лиц, которые осуществляли оперативно-розыскные мероприятия, переводили тексты на русский язык и были допрошены в качестве свидетелей в одном лице в одном и том же деле. Такой запрет следует из предписаний закона. Так, в соответствии с УПК РФ переводчик подлежит отводу не только в связи с его некомпетентностью, но и по общим основаниям (ст. 61). Участие лица в производстве по конкретному уголовному делу в качестве свидетеля является безусловным основанием для отвода (самоотвода) его в качестве переводчика (ч. 2 ст. 69 УПК РФ) по этому же делу. Получается, что сотрудники правоохранительных органов, допрашиваемые о содержании телефонных переговоров, проводившихся в рамках оперативно-розыскных мероприятий на иностранном языке, тем самым совмещают процессуальный статус переводчика и свидетеля по одному и тому же уголовному делу. Тем более недопустимо, чтобы сотрудник правоохранительных органов раскрывал значения

¹⁷ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24.03.2011 № 71-О11-8СП // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁸ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 18.01.2018 по делу № 22-29/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

слов, используемых подсудимым в ходе телефонных переговоров, фактически выполняя еще и процессуальные функции эксперта. Полученные таким образом доказательства признаются недопустимыми. Так, Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что показания свидетеля — сотрудника полиции об обстоятельствах оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров», а также протокол осмотра подлежат исключению из числа доказательств, поскольку ранее этот сотрудник участвовал в осмотре и прослушивании аудиодисков с записями телефонных переговоров, в ходе которого давал комментарии о принадлежности голосов разговаривавших и содержании бесед¹⁹.

Как правило, участие переводчика в уголовном судопроизводстве связывают с переводом с одного языка на другой. Однако его помощь может потребоваться и тогда, когда участник уголовного судопроизводства в достаточной степени владеет языком судопроизводства. Так, в одном из постановлений Верховный Суд РФ обратил внимание на необходимость обсуждения вопроса о привлечении к участию в деле соответствующих специалистов (владеющих навыками сурдоперевода, применения системы Брайля и т. д.) в целях создания необходимых условий для реализации своих прав лицами с существенными дефектами речи, слуха или зрения, ограничивающими их способность пользоваться процессуальными правами²⁰. Хотя частью 6 ст. 59 УПК РФ предусмотрено, что правила этой статьи распространяются и на лицо, владеющее навыками сурдоперевода и приглашенное для участия в производстве по уголовному делу. Подобная конструкция статьи наводит на мысль о том, что лицо, владеющее навыками сурдоперевода, вовлекается в сферу уголовного судопроизводства не как переводчик, а как специалист. Между тем анализ отраслевого законодательства Российской Федерации свидетельствует об ином понимании предназначения переводчика. Например, в ч. 1 ст. 25.10 КоАП РФ²¹ определено, что переводчик — это лицо, владеющее навыками

не только перевода, но и сурдоперевода или тифлосурдоперевода. Подобное предписание в уголовно-процессуальном законодательстве способствовало бы более четкой регламентации фактического основания для участия переводчика в уголовном судопроизводстве. Имеется и положительный опыт зарубежного законодателя по данному вопросу. Положение о том, что переводчиком является лицо, понимающее знаки глухого или немомого и способное изъясняться с ними знаками, предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь (ч. 1 ст. 63 УПК Республики Беларусь²²), о способности переводчика осуществлять сурдоперевод прописано в п. 48 ст. 6 УПК Молдовы. Порядок участия переводчика в производстве следственных действий с участием глухих, немых и глухонемых закреплен и в ст. 107 УПК Албании²³. Заметим, что следует не только внести ясность в понятийный аппарат законодательства, но и предусмотреть возможность использования при этом современных информационных технологий (что особенно актуально при исполнении запроса о правовой помощи по уголовным делам).

Одной из гарантий достоверного перевода, а значит, и достоверности доказательств является то, что переводчик предупрежден об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод. При этом закон не раскрывает, каким образом надлежит проверять компетентность — второе требование к кандидату в переводчики (ст. 69 УПК РФ).

Под компетентностью переводчика, как правило, понимается свободное владение как минимум двумя языками: языком уголовного судопроизводства и тем, которым в достаточной степени владеет участник процесса, а также умение изъясняться на данных языках.

Между тем в юридической литературе справедливо отмечено, что некомпетентность может заключаться не только в том, что лицо, приглашенное в качестве переводчика, не владеет или недостаточно владеет языком, которым владеют иные участники уголовного

¹⁹ См., например: апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.12.2017 № 5-АПУ17-118 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ СПС «КонсультантПлюс».

²² URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 02.04.2021).

²³ URL: http://pbosnia.kentlaw.edu/resources/legal/albania/crim_pro.htm (дата обращения: 02.04.2021).

судопроизводства, но и в недостаточном знании юридической, а при необходимости и иной терминологии, а также недостаточной осведомленности в вопросах методики перевода и др.²⁴ Такой подход свойственен законодательству ряда иностранных государств. Так, владение юридической терминологией — одно из требований к переводчику в уголовно-процессуальном законодательстве Молдовы (ч. 1 ст. 85 УПК Молдовы). Владение профессиональным языком — одно из условий участия лица в качестве переводчика согласно ч. 2 ст. 161 УПК Эстонии²⁵. Особо выделяется регламентация процедуры вовлечения письменных и устных переводчиков в УПК Албании. В Австрии требования к переводчику содержатся в специальном Законе об экспертах и переводчиках (в редакции от 20.08.2020). Это австрийское гражданство или гражданство государства — члена Европейского Союза; обычное место жительства или место профессиональной деятельности в районе суда; заключение договора страхования ответственности; надежность; правоспособность; десятилетний профессиональный стаж; знание важнейших положений процессуального права. В Австрии существует две группы судебных переводчиков: «обычно присяжные» и «сертифицированные судом». «Обычно присяжные» — судебные переводчики, которые приводятся к присяге только один раз для всех судебных разбирательств, в которых они принимают участие, при вступлении в должность, в отличие от «специальных» присяжных переводчиков, которые приводятся к присяге только для определенного процесса. С 1 января 1999 г. в целях обеспечения качества процедуры в дополнение к общей присяге была введена «судебная аттестация». Сертификат раскрывает профессиональную квалификацию переводчика, отражает сведения о прохождении процедуры проверки качества, выполнении устных или письменных переводов. Сертификация и последующее внесение в список судебных переводчиков первоначально ограничены периодом в пять лет и могут быть продлены еще на пять лет по запросу, если соблюдены

требования (повторная сертификация). Обязательными условиями для переаттестации являются регулярная работа в судах и прохождение курсов повышения квалификации. Как видим, к австрийским кандидатам в переводчики требования предъявляются наиболее жесткие.

Нельзя не согласиться с имеющимся в юридической литературе мнением о том, что некомпетентность переводчика (не обязательно недостаточный уровень лингвистических знаний, иногда это может быть просто неспособность или неумение синхронно и оперативно донести содержание переводимого текста до адресата) представляет собой серьезное препятствие для полноценного его участия в производстве по уголовному делу²⁶.

Небезынтересен подход законодателя к формулированию процедуры вовлечения переводчика в процесс в ином отраслевом законодательстве, предусматривающий помимо требований, сходных с уголовно-процессуальным законодательством, дополнительные условия. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 25.10 КоАП РФ к этому лицу, наряду с требованием незаинтересованности в исходе дела, предъявляется требование достижения совершеннолетия. Подобная формулировка в уголовно-процессуальном законодательстве представляется излишней. Ведь незаинтересованность лица, обеспечивающего перевод, также подлежит обязательной проверке лицом, осуществляющим предварительное расследование или рассмотрение конкретного уголовного дела в суде. В том случае, когда имеются основания полагать, что переводчик лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе уголовного дела, он не может участвовать в производстве по данному делу. Любая заинтересованность переводчика может повлечь умышленное или неумышленное искажение сведений, имеющих значение для установления фактических обстоятельств по делу, что не исключает в конечном итоге судебной ошибки. Кроме того, в случае заинтересованности переводчика в исходе дела могут быть нарушены права и законные интересы других участников уголовного судопро-

²⁴ См. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 179.

²⁵ URL: <https://v1.juristatib.ee/ru/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения: 02.04.2021).

²⁶ Гришина Е. П. Роль международных актов и решений Европейского Суда по правам человека в реализации принципа национального языка судопроизводства в уголовном процессе России // Современное право. 2013. № 8.

изводства. В этой ситуации переводчик обязан уклониться от участия в уголовном судопроизводстве. Ему также может быть заявлен отвод другими участниками уголовного судопроизводства. А предупреждение лица об уголовной ответственности за неправильный перевод снимает вопрос о возрасте переводчика.

Однако законодатель, предъявив обязательные требования к кандидату в переводчики, оставляет открытым вопрос о том, необходимо ли его согласие для участия в качестве переводчика. На наш взгляд, для профессионального переводчика такое согласие не требуется, поскольку это согласие следует предусматривать в должностных инструкциях, а для непрофессионального переводчика такое согласие необходимо. Значит, третьим элементом фактического основания должно стать предусмотренное законодательством волеизъявление лица на участие в уголовном судопроизводстве в качестве переводчика.

Каким же образом, придавая особое значение участию переводчика в формировании доказательств и соблюдению принципа языка судопроизводства, можно было бы разрешить рассмотренные проблемы, касающиеся регламентации фактического основания для участия переводчика в уголовном судопроизводстве? Ведь, с одной стороны, участие переводчика обуславливает достоверность и допустимость доказательств, а с другой — является гарантией соблюдения прав участников уголовного судопроизводства.

Решение рассмотренных проблем возможно путем введения в УПК РФ предписания о возможности участия как штатных, так и внештатных переводчиков. Например, такая классификация переводчиков предусмотрена австрийским и эстонским законодательством (ст. 278 УПК Эстонии). Причем предписание о том, что правоприменителю надлежит обращаться в первую очередь к помощи штатных, а затем уже внештатных переводчиков, значимость которых несколько не умаляется, существенно сократило бы сроки судопроизводства. В этом случае потребуется перечень переводчиков, определяющий выбор правоприменителя. Сведения о таких переводчиках, о степени их владения иностранным языком, в том числе юридической терминологией, могли бы

содержаться в соответствующей базе данных, а для создания такого перечня было бы целесообразно применить современные цифровые технологии. Порядок формирования этого перечня и получения доступа к нему должен регламентироваться на законодательном уровне. Например, в Италии создается Национальный список устных и письменных переводчиков. Судебные переводчики в Италии имеют статус судебных экспертов. Судебный орган использует этот список при назначении устных и письменных переводчиков, за исключением тех, которые включены в него с конкретной целью. С этим национальным списком можно ознакомиться в судебных органах и полиции, а также на официальном сайте Министерства юстиции (в соответствии с действующим законодательством об обработке персональных данных). Порядок обращения к национальному списку определяется постановлением министра юстиции (ст. 67-бис УПК Италии). Список судебных переводчиков в Австрии должен публиковаться в Интернете по адресу, указанному на странице судебной системы, и постоянно обновляться. Доступ к актуальному списку судебных экспертов и судебных переводчиков в Интернете является бесплатным для всех²⁷. Создание такой базы данных о переводчиках должно происходить с учетом того, что в современных условиях производство следственных действий необходимо и тогда, когда участники уголовного судопроизводства находятся за пределами территории государства, в котором осуществляется судопроизводство. Это требует, по мнению ЕСПЧ, создания единых методологических требований к переводу, прежде всего обеспечения адекватного, синхронного и главное — устного перевода в ходе следственных действий и судебного разбирательства²⁸, а также единообразных подходов к пониманию компетентности переводчика.

Лишь выявив все возможные риски, можно будет сформулировать техническое задание на разработку адекватных цифровых программ и определение мер для применения их в уголовном судопроизводстве, чтобы не разрушить, а обеспечить более полно необходимые гарантии и избежать негативных последствий цифровизации. При решении такой задачи наиболее целесообразен метод экспериментального использования цифровых технологий, преду-

²⁷ URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002338> (дата обращения: 02.04.2021).

²⁸ Решение ЕСПЧ по делу «Хусаин против Италии» от 24.05.2005 // СПС «КонсультантПлюс».

смаатривающий согласие участников процесса на участие в таком эксперименте²⁹.

Нами рассмотрены лишь некоторые проблемы, возникающие в правоприменительной плоскости в связи с привлечением на орбиту уголовного судопроизводства переводчика. Но и они позволяют констатировать, что при всей многозначности информационных технологий в уголовном судопроизводстве они могут быть полезны при создании фактических оснований

для введения в уголовное судопроизводство такого участника, как переводчик. При этом правосубъектность переводчика не ставится в зависимость от искусственного интеллекта. Машина в данном случае не заменит человека, а поможет ему в оценке фактического основания для принятия решения, призванного гарантировать не только получение доброкачественного доказательства, но и соблюдение всех прав участников уголовного судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6. — С. 125–136.
2. Антонович Е. К. К вопросу о допустимости доказательств, полученных за пределами территории Российской Федерации в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам // Труды Академии управления МВД России. — 2014. — № 4 (32). — С. 41–44.
3. Антонович Е. К. К вопросу о законодательном регулировании дистанционного допроса и депонирования показаний свидетелей по уголовным делам в досудебном производстве // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 3 ч. Ч. 3 / под ред. В. Н. Синюкова ; Моск. гос. юрид. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — М. : Проспект, 2019. — 441 с.
4. Антонович Е. К. К вопросу о международной правосубъектности и уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6 (115). — С. 112–124.
5. Антонович Е. К. Порядок вызова свидетелей и потерпевших, находящихся за пределами территории Российской Федерации, и последствия его нарушения // Труды Академии управления МВД России. — 2015. — № 3. — С. 53–57.
6. Антонович Е. К. Требования, предъявляемые к содержанию и форме запроса о производстве процессуальных действий, и последствия их несоблюдения // Международное публичное и частное право. — 2016. — № 5. — С. 24–27.
7. Вилкова Т. Ю. Принцип языка уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы : монография. — М., 2018.
8. Вилкова Т. Ю. Принцип языка уголовного судопроизводства: содержание и гарантии // Журнал российского права. — 2014. — № 10 (214). — С. 88–98.
9. Вилкова Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства России: правовые основы, содержание, гарантии : монография. — М., 2015.
10. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. — 2019. — № 5 (150). — С. 91–104.
11. Гришина Е. П. Роль международных актов и решений Европейского Суда по правам человека в реализации принципа национального языка судопроизводства в уголовном процессе России // Современное право. — 2013. — № 8.
12. Жубрин Р. В. Сроки исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам // Законность. — 2018. — № 5 (1003). — С. 12–14.
13. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, Инфра-М, 2010.

Материал поступил в редакцию 19 июля 2021 г.

²⁹ Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5 (150). С. 91–104.

REFERENCES

1. Antonovich EK. Ispolzovanie tsifrovyykh tekhnologiy pri doprose svideteley na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva (sravnitel'no-pravovoy analiz zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii i zakonodatelstva nekotorykh inostrannykh gosudarstv) [The use of digital technology in the interrogation of witnesses in the pre-trial stages of criminal proceedings: Comparative legal analysis of the Russian Federation legislation and laws of some foreign countries]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2019;6:125-136. (In Russ.)
2. Antonovich EK. K voprosu o dopustimosti dokazatelstv, poluchennykh za predelami territorii Rossiyskoy Federatsii v ramkakh okazaniya pravovoy pomoshchi po ugolovnym delam [On the question of the admissibility of evidence obtained outside the territory of the Russian Federation in the framework of providing legal assistance in criminal cases]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2014;4(32):41-44. (In Russ.)
3. Antonovich EK. K voprosu o zakonodatel'nom regulirovaniy distantsionnogo doprosa i deponirovaniya pokazaniy svideteley po ugolovnym delam v dosudebnom proizvodstve [On the issue of legislative regulation of remote interrogation and deposition of witness testimony in criminal cases in pre-trial proceedings]. In: *Rossiyskaya pravovaya sistema v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii. XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskie chteniya): materialy konferentsii: v 3 ch. [The Russian legal system in the conditions of the Fourth Industrial Revolution. 16th International Scientific and Practical Conference (Kutafin readings). Proceedings. In 3 parts]*. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow: Prospekt; 2019. (In Russ.)
4. Antonovich EK. K voprosu o mezhdunarodnoy pravosubektnosti i ugolovnom sudoproizvodstve v usloviyakh tsifrovizatsii [International Legal Personality and Criminal Proceedings in the Context of Digitalisation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(6):112-124. (In Russ.)
5. Antonovich EK. Poryadok vyzova svideteley i poterpevshikh, nakhodyashchikhsya za predelami territorii Rossiyskoy Federatsii, i posledstviya ego narusheniya [The procedure for summoning witnesses and victims residing outside the territory of the Russian Federation, and the consequences of its violation]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2015;3:53-57. (In Russ.)
6. Antonovich EK. Trebovaniya, predyavlyaemye k sodержaniyu i forme zaprosa o proizvodstve protsessualnykh deystviy, i posledstviya ikh nesoblyudeniya [Requirements to the content and form of request to execute procedural actions and consequences of their non-observance]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [Public international and private international law]*. 2016;5:24-27. (In Russ.)
7. Vilkova TYu. Printsip yazyka ugolovnogo sudoproizvodstva: istoriya, sovremennost, perspektivy: monografiya [The principle of the language of criminal proceedings: History, modernity, prospects. A monograph]. Moscow; 2018. (In Russ.)
8. Vilkova TYu. Printsip yazyka ugolovnogo sudoproizvodstva: sodержanie i garantii [The principle of the language of criminal proceedings: Content and guarantees]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2014;10(214):88-98. (In Russ.)
9. Vilkova TYu. Printsipy ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii: pravovye osnovy, sodержanie, garantii: monografiya [Principles of criminal proceedings in Russia: Legal bases, content, guarantees. A monograph]. Moscow; 2015. (In Russ.)
10. Voskobitova LA. Ugolovnoe sudoproizvodstvo i tsifrovyye tekhnologii: problemy sovmestimosti [Criminal Justice and Digital Technology: Compatibility Issue]. *Lex Russica*. 2019;(5):91-104. (In Russ.)
11. Grishina EP. Rol mezhdunarodnykh aktov i resheniy Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka v realizatsii printsipa natsionalnogo yazyka sudoproizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii [The role of international acts and decisions of the European Court of Human Rights in the implementation of the principle of the national language of legal proceedings in the Russian criminal procedure]. *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2013;8. (In Russ.)
12. Zhubrin RV. Sroki ispolneniya zaprosov o pravovoy pomoshchi po ugolovnym delam [Deadlines for the execution of requests for legal assistance in criminal cases]. *Zakonnost*. 2018;5(1003):12-14. (In Russ.)
13. Lupinskaya PA. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatelstvo, praktika [Decisions in criminal proceedings: Theory, legislation, practice]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma: Infra-M; 2010. (In Russ.)